

РЕКВИЕМ

Москва, комсомолец. — 1998 — 8 авг. — с. 2

Из воспоминаний Альфреда Шнитке:

«В ночь с 22 на 23 июня 1985 года у меня случился инсульт. Двадцать дней я пролежал без сознания и два раза был «там».

Уже через пару дней, как сказали врачи, я заговорил. Хотя я не помню этого. Сначала это было что-то невнятное на немецком, наверно, о моем детстве на Волге. Только 11 августа ко мне вернулось сознание. Сначала я был как в полусне: воспоминания из военного времени, картины Севера, где я ни разу не был...»

Первый инсульт произошел буквально на глазах дирижера Геннадия Рождественского и его жены Виктории Постниковой (с этой семьей Шнитке связывала настоящая дружба). Они сидели вместе. Вдруг Альфред стал судорожно сжимать и разжимать правую руку. Через несколько минут ему стало плохо. И хотя врачам и жене Ирине удалось его тогда вытащить, все-таки все эти 14 лет Шнитке находился под дамокловым мечом. Он заглянул в небытие. И сам говорил своим друзьям, что после этого стал иначе относиться к жизни и смерти.

Впрочем, о смерти он как будто бы всегда знал больше, чем другие. Знаменитые шнитковские коды — излет жизненных сил, истаивание, растворение, от чего мороз идет по коже. Такой кодой заканчивается фортепианный Квинтет, написанный еще до инсульта, но уже после смерти его матери. Так завершается знаменитый Концерт для альты. Таковы многие темы гениального Реквиема, написанного на канонический латинский текст.

Владимир Дашкевич, композитор.

— Многие беды со здоровьем были у Альфреда из-за его сына Андрея, которого он обожал. Андрей страдал врожденным пороком сердца, что требовало, естественно, особого внимания со стороны родителей. Как-то я встретил Альфреда в Доме кино. Он признался мне, что спит 3–4 часа в сутки. Выглядел он плохо, и я посоветовал ему отдохнуть. Оказалось, он на самом деле собирался ехать отдыхать в Пицунду, в Дом творчества кинематографистов.

— Ты, знаешь, я впервые не беру с собой ни клочка нотной бумаги.

И именно там с ним случился первый инсульт. Невероятную помощь оказал тогда Гия Канчели. Он занимался организацией перевода Альфреда в другую больницу, доставал лекарства. Вызвали доктора Потапова, потрясающего реаниматора. Он потом даже в Германию приезжал — вытаскивал Альфреда. Бог как будто хранил его дар. Ведь при правостороннем инсульте человек теряет музыкальную одаренность. Так вот у Шнитке был левосторонний инсульт. Он мог бы лишиться речи, однако с ним этого не произошло, поскольку он был левша. То есть он даже не утратил способности писать. А на мои советы меньше работать он отвечал:

— Я не могу. Я как змея, которая вырабатывает яд помимо своей воли. Я не могу не сочинять и не записывать свою музыку.

Шнитке родился 24 ноября 1934 года в городе Энгельсе на Волге. Отец — Гарри Шнитке, выходец из литовско-еврейской семьи, иммигрировал в 1926 году в Советский Союз из Германии. Мать Мария Фогель была волжской немкой католического вероисповедания и работала учительницей.

Владимир Дашкевич:

— Альфред безумно любил мать. Рассказывал, что после ее смерти заново учился писать музыку — как младенец учится ходить. Написал тогда трагичнейшие сочинения — Реквием, ораторию «Доктор Фаустус». У Альфреда произошло гениальное сочетание его немецкой половины и славянской культуры. При этом он в совершенстве владел искусством музыкального конструирования. Придумал для этого термин — полистилистика. Хотя, скорее, это — полиинтонационность.

Шнитке прекрасно владел современными композиторскими техниками. И в безумно сложную атональную ткань партитуры вдруг вставлял барочную каденцию — такую чистую и ясную, как в Концерто Гроссо. Или, наоборот, монтировал в звучание музыки какое-нибудь пошлейшее танго — как в «Докторе Фаустусе».

Владимир Дашкевич:

— У него был особый киноязык. Альфред часто использовал музыку для кино в своих симфониях: тему из фильма «Экипаж» Александра Митты — в оратории «Фаустус», из «Сказки странствий» — в «Концерто Гроссо». Потрясающую музыку он написал к фильму «Комиссар». Колыбельная, которая поется то на русском, то на еврейском языке, — это абсолютная киноклассика. Такое мог придумать только Альфред — больше никому это было не по зубам. Однажды отказался писать музыку к фильму «Иди и смотри». Хотя он прекрасно до этого работал с Элемом Климовым. Да и сценарий ему понравился. Отказался по чисто моральным причинам, как полувейрей-полунемец:

— Одна моя часть не будет иметь права писать о другой.

И порекомендовал Климову Олега Янченко. А еще он любил риск. Рассказывал мне, как после первого инсульта он по заказу немецкого балетмейстера Ноймейера написал балет «Пер Гюнт». Трудно себе представить, что какой-то другой композитор рискнул бы сравниться с классическим шлагером Грига. Но Альфреда это не напугало. Гениальная смелость была нужна для того, чтобы написать оперу на современное произведение. Да еще какое — «Жизнь с идиотом» Виктора Ерофеева!

Виктор Ерофеев, писатель:

— Мы пришли к Борису Покровскому с идеей постановки оперы «Жизнь с идиотом», как два школьника-хулигана, чтобы соблазнить его. Когда я стал читать, Шнитке начал хохотать, да так, что Покровский просто ничего не понял. Потом мы пришли во второй раз. Тут уже сам Шнитке сел за рояль и стал играть, петь и... хохотать. Когда он написал уже три четверти оперы, его ударил второй инсульт. У меня опустели руки, но Альфред, еще даже не научившись вновь говорить, дописал последний кусок. Такова была верность дружбе, верность своему гению.

Татьяна Гудкова, автор и продюсер «Альфред Шнитке фестивалей», редактор ТВ:

— Мы много вместе работали над телеви-

Альфред ШНИТКЕ:

ГЕНИЙ, ВОДИВШИЙСЯ СО СМЕРТЬЮ

Национальность — полунемец-полувейрей.

Родной язык — русский и немецкий.

Вероисповедание — в России исповедовался и причащался у православного духовника, затем в Германии принял католичество.

Погребен будет по православному обряду.

Профессия — композитор.

Социальный статус, закрепленный общественным сознанием, — Гений.

Альфред Шнитке обрел статус гения и чуть ли не Мессии еще при жизни.

В самый расцвет его композиторского творчества в 70-е — 80-е годы, когда

ничто еще не предвещало смертельный град инсультов, он был, безусловно,

причислен к лику живых классиков XX столетия. Было время, когда

запрещалось исполнение его сочинений. Так случилось с первой симфонией:

ее исполнили впервые в Горьком в обход московских властей и Союза

композиторов, после чего московская премьера была «отложена» лет на

пятнадцать. И все же здесь не было и речи о «непризнанном гении»,

о «недооцененном творчестве», о «непонимании толпы». Признавали,

оценивали, понимали. И принимали — шумно и бурно на всех премьерах,

коих публика жадно ожидала, бегая на репетиции и обсуждая последние

новости о выбранных композиторах исполнителях. Но это — одна сторона

медали. Была и другая. Ее олицетворяли люди, откровенно не любившие

Шнитке, считавшие его ненастоящим композитором, дутой знаменитостью,

поднятым на щит всеядным и падким на скандалы Западом. А иные

объявляли Шнитке дилетантом и именовали его знаменитый композиторский

прием, который сам он называл полистилистикой, кризисом творчества — его

в частности и всей академической музыки XX века в целом.

Сегодня Альфред Шнитке прибудет из Германии в Москву. Для того чтобы

остаться навсегда в московской земле. Кем он был в истории

музыкальной культуры XX столетия — сама же история и рассудит.

онными постановками, в том числе 17-серийным фильмом «Былое и думы». Обычно в кино композиторы работают «под картинку». На ТВ сведение фонограммы и видеоряда делают на пульте. Когда я приносила готовую фонограмму музыки Шнитке — все совпадало, до мельчайших ритмических нюансов. Если бы подобное произошло один раз, то это можно было бы считать случайностью. Но так происходило всегда — и это уже казалось мистикой. На самом деле у него было фантастическое чувство времени и ритма.

Виктор Ерофеев:

— Шнитке был единственный гений, которого я видел в своей жизни. Притом что я повидал немало людей. Что такое гений? Я считаю, что самое точное определение этому — адекватность. Шнитке всегда был абсолютно адекватен. Если он смеялся, то смеялся как никто другой. Если он говорил о литературе, то это было лучшее, что приходилось слышать на эту тему. От него же я получил самую лучшую рецензию на свое произведение. О «Русской красавице» он сказал: «светлая книга». Для него это был высший комплимент. Свет — главное качество его жизни. Встречи с ним — были бесконечным весельем, смехом, радостью общения. Мы были близки. Часто вместе, вчетвером, отмечали дни рождения: Альфред, Ирина, я и моя жена. То, что он умер, — это потеря для меня. А искусству еще долго придется ждать появления подобной личности.

Татьяна Гудкова:

— Однажды за чаем я рассказывала Ирине и Альфреду о какой-то очередной подстроенной нам «подлянке» и произнесла фразу:

— Такие вещи прощать нельзя — надо отомстить.

И Альфред сказал:

— Нет, мстить нельзя. Это унижительно.

Андрей Эшпай, композитор:

— Меня восхищала и восхищает его преданность обожаемому им великому миру музыки до самого последнего дня.

Когда я узнал, что у Альфреда инсульт, отравился к нему. Кто-то сказал мне, что при инсульте помогает калина. Я взял калиновое варенье, антоновские яблоки (тоже, как говорят, полезно) и пришел к ним домой. Альфред уже мог говорить. Мы стали беседовать, и я сказал:

— Альф, скажи, что делать? Жизнь буквально пронеслась!

Он ответил:

— А ты знаешь, для меня каждая минута вечность...

Владимир Дашкевич:

— После переезда в Гамбург он получил германское гражданство. Это справедливо: немецкий язык был для него родным, так же как и русский. Эта же двуязычность была и в его музыке. Сочетание двух культур на подсознательном уровне и создало во многом эту уникальную фигуру, которой был Шнитке.

Последней радостью в его жизни стало вручение ему приза «Глория» и диплома почетного профессора Московской консерватории, которые получила за него его жена Ирина.

Ирина Катаева-Шнитке — красивая женщина, талантливая пианистка — в жизни Альфреда играла потрясающую роль. Они были вместе больше 30 лет, и всю жизнь им было интересно друг с другом. Она великолепно понимала его в профессиональном плане. Когда Ирина с Александром Ивашкиным в апреле этого года записывала в Москве на CD все виолончельные сочинения Альфреда, то буквально по поводу каждого фрагмента, каждой ноты говорила:

Альфред считает, что это должно быть так.

Последние четыре года Альфреду Гарриевичу был необходим круглосуточный уход. Ирина вела все его дела, она же была сиделкой, кормилицей. Врачи, гомеопаты, массажисты и экстрасенсы — все это было под ее контролем. Именно Ирина вместе с сыном Андреем решили, что Шнитке будет похоронен в Москве, причем по православному обряду. Еще до отъезда в Германию Альфред Гарриевич регулярно посещал в Москве духовника — православного священника, исповедовался ему и причащался. Есть сведения, что в Германии он принял католичество. Однако последний выбор сделан, и, конечно же, он не случаен.

В июне 1994 года у Альфреда Шнитке случился третий инсульт. Только любовь Ирины и современная медицина помогли тогда выкарабкаться с того света. Но болезнь не прошла: Шнитке практически полностью парализовало. Больница стала вторым домом, а в небольшом семейном особняке под Гамбургом поселились медсестры. Специально разработали аппарат, при помощи которого подвешенной парализованной рукой Шнитке фиксировал звуки, рожденные его сознанием и слухом. Эти едва понятные записи потом обрабатывали и инструментовали сотрудники гамбургского музыкального издательства Сикорского. Девятую симфонию он сочинил, находясь в крайне тяжелом состоянии. Геннадий Рождественский, которому композитор посвящал свое последнее сочинение, в буквальном смысле расшифровывал рукопись композитора, реконструировал ее, как если бы речь шла о старинной партитуре, дошедшей до нас в обрывках и фрагментах.

Последние дни его были мучительными. Возникло подозрение на воспаление легких. Альфред Гарриевича перевели в другую больницу, куда Ирине приходилось ездить полтора часа на машине. Затем это подозрение отпало, и композитора перевели обратно в ту клинику, в которой он лечился. Там Альфред Шнитке умер в понедельник, 3 августа, в 8 часов утра.

Гроб с телом композитора будет установлен в консерватории. Прощание начнется в понедельник 10 августа в 10.30. Отпевание пройдет в храме Священномученика Иоанна Воина — в том самом, в котором отпевали другого русского немца Святослава Рихтера. Панхиду отслужит о. Николай — духовник Шнитке. Похоронят Альфреда Шнитке на Новодевичьем кладбище.

Екатерина КРЕТОВА.

Фото Эдуарда ЛЕВИНА.